

Школа Бывальского

ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ

К столу президиума одна за другой подходили заведующие дошкольными учреждениями — победители конкурса «Детский сад года». Мы вручали им дипломы, поздравляли, вместе фотографировались. Обстановка была и торжественная, и трогательная. Поздравляя заведующих, я заметил, что у многих из них ладони были совсем не женские — твёрдые, а рукопожатие крепкое, что называется, мужское. И это очень симптоматично, ведь эти замечательные женщины выносят на своих плечах то, что принято красиво называть Миром Детства.

Лауреаты конкурса говорили не только о своих достижениях, рассказывали и о проблемах. И что характерно, говорили не столько о содержании занятий или оформлении детских групп, а всё больше об экономике, о трудной «школе выживания», которую они прошли в лихие 90-е годы.

Выживали по-разному. Например, в сельских детских садах заводили коров, кур и гусей, строили теплицы. И вот так, с помощью натурального хозяйства, ухитрялись прокормить детей и воспитателей, обустроивали свой детский сад. Да, в сельских детских садах трудились воистину по-крестьянски: от зари до зари.

Других захлестнула волна рыночной экономики: в детсадовских помещениях и хозяйственных пристройках они развернули настоящие комбинаты бытовых услуг для населения, где специалисты пекли торты, лечили зубы, стригли волосы.

Конечно, есть среди заведующих и те, что выбрали наименее хлопотный, но наиболее рентабельный путь — получение денег с родителей. «Разлёт» сумм значителен и зависит от платёжеспособности населения и условий, которые предлагает детям тот или другой детский сад. В провинции оплата колеблется от 50 до 3000 рублей в месяц.

В общем, детские сады выживают по-разному, но главное, что не только выживают, но и развиваются. И вот здесь-то по-особенному защемило сердце: вспомнилась строчка из песни со словами «формула счастья одна на двоих». Ведь получается, что эти замечательные заведующие хотят от государства очень немного: своевременной выплаты заработной платы, выделения денег на питание детей и на ремонт здания. Но даже этой малости им приходится добиваться, потому что в стране существуют лимиты на газ, электричество... Парадоксальная история! Мы продаём за рубеж миллионы баррелей нефти, гоним туда эле-

ктрический ток, а школы и дошкольные учреждения сидят в это время на жёстких лимитах, из-за чего температура в классах и группах чуть удерживается на необходимом минимуме.

Скрываясь истину от друзей, кому ты откроешься?

Козьма Прутков

Ещё одна проблема связана с началом второй волны передачи ведомственных детских садов в муниципальную собственность. Если в 90-х годах это было вызвано тем, что «стоявшие» и «лежавшие» предприятия действительно не могли содержать свою «социалку», то сейчас причины в другом. Владельцы предприятий и компаний желают, видите ли, чтобы ведомственные детские учреждения перешли на полную самоокупаемость и брали с родителей большие деньги. При этом новые хозяева жизни не хотят считаться с тем, что родители, как правило, работают на их собственном предприятии. Выходит, что здесь не срабатывает «формула счастья». Даже в благополучной Москве стремление любой ценой выжать из родителей деньги привело к тому, что в самом центре города, рядом с домом, где живёт экс-чемпион мира по шахматам, зияют пустыми окнами два добротных здания ведомственного садика. Здесь игры с передачей из собственности ведомства в муниципальную окончились разрухой и запустением.

Но не лучше обстоит дело и с государственными садами: их число неуклонно падает, сады закрываются, и тому есть много причин. Демографический спад — не главная из них. В крупных городах уже действуют десятки кадровых агентств, оказывающих услуги по подбору нянь и гувернанток для детей из обеспеченных семей. Но позволить себе такое удовольствие могут единицы, большинство же родителей в силу материальных причин не могут отдавать детей даже в обычные сады.

Конечно, сегодня детские дошкольные учреждения перестали выполнять функцию, ради которой были созданы. Как известно, их разветвлённая сеть возникла в связи с желанием освободить женщину для труда на благо государства. Сегодня эта проблема стоит не так остро: уровень безработицы высок как раз среди женщин. Возникает вопрос: что делать с тысячами детских садов? Нужны ли они нашему обществу? Нужны, хотя бы потому, что психологический профиль ребёнка формируется в возрасте до 6 лет. Приходится выбирать: провести ли мощный педагогический всеобуч, сделав каждую маму искусным педагогом, или сохранить сеть дошкольных учреждений, в которых дети, как минимум, накормлены, а как максимум, развиваются по специальным программам, под наблюдением специалистов.

*Достаток распнутого равняется короткому одеялу:
натянешь его к носу — обратится к ноге.*

Козьма Прутков

Ответить же на вопрос, что делать в условиях недостаточного финансирования, — гораздо сложнее. По сути, есть только два ответа. Первый: жёстко рассчитать минимальные нормы, необходимые для обслуживания одного ребёнка, и, финансируя по ним детские сады, увеличить в них наполняемость существующих групп, отказавшись при этом от всяких «излишеств» — театральных студий, кабинетов психологов, оранжерей. Словом, превратить детский сад в дешёвый инкубатор, куда в рабочее время родители сдают ребёнка, как ненужную вещь. Этот «дешёвый» вариант государство может потянуть без посторонней помощи.

Если же родителям необходим именно «детский сад» — место, где ребёнку комфортно и где он к тому же развивается, то они должны доплачивать. Такое предложение уже ходило по чиновным кабинетам: первые четыре часа оплачивает государство, а остальные — родители. Пока предложение официально не принято, но широко прививается в жизни: родители готовы доплачивать, но не государству, а непосредственно тем, кто занимается с детьми, помогая им расти и развиваться. Такова пока единственная «формула счастья».

СОВМЕЩЁННЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Постоянная болевая проблема отечественного образования — пропасть, лежащая между традиционной общеобразовательной школой и специализированными профессиональными высшими учебными заведениями. Невозможно подсчитать, сколько неудач и разочарований явилось миру при попытке перешагнуть из обычной школы в вуз, сколько пролило слёз. Конечно, в разные годы между средней и высшей школами строились различные мостики. Так, в сороковые-пятидесятые годы обладателям золотых медалей достаточно было отправить по почте свой аттестат, чтобы стать студентами Московского университета. Позднее бравые «дембеля» и обладатели производственного стажа получили право исполнить «Гаудеамус...», обучившись на подготовительном отделении института.

Конечно, всегда существовали и обходные тропы, где блат, связи, взятки, звонкие фамилии родителей обеспечивали их чадам гарантированное поступление в высшее учебное заведение. Тем же, кто не мог рассчитывать на льготы и протекции, оставалось надеяться только на себя и, разумеется, на репетиторов.

*Если бы теки предметов зависели не от величины сил
последних, а имели бы свой произвольный рост, то, может
быть, вскоре не осталось бы на всей земной шаре ни одного
светлого места.*

Козьма Прутков

С начала девяностых годов ситуация в сфере взаимоотношений между школой и вузом стала существенно меняться. Новые времена — новые песни: одним из надёжных способов обретения студенческого билета стали совмещённые экзамены, которые проводились на основе договоров между школами и вузами.

Во многих учебных заведениях эта форма взаимоотношений предвосхитила профильную школу. Только в отличие от очень невятной нынешней концепции тогда всё было предельно ясно. В старшие классы не просто отбирали лучших учеников, но и само обучение перестраивали: вводили новые предметы, которые преподавали уже вузовские педагоги. Шла целенаправленная подготовка в конкретный вуз, при которой использовались адекватные методики преподавания. Школьники знакомились с основами знаний, которые студенты получают только на первом-втором курсах. Правда, обнаружилась странная закономерность: студенты, приходившие из этих школ, легко овладевали азами будущей специальности и становились крепкими, но весьма средними специалистами. Похоже, срабатывал эффект, о котором мне рассказали немецкие коллеги, преподающие в университете. Они определили эту проблему как «заученность». Её суть в том, что напичканные по самое горло знаниями дети теряют гибкость ума, нестандартность мышления. Они могут прекрасно воспроизводить полученные знания, но не способны пользоваться ими для создания оригинальных конструкций, что, собственно, и является способностью к творчеству. Эта ситуация сходна с положением, в котором оказывается «перекаченный» борец: у него есть сила и красивые мышцы, которые, к сожалению, реагируют на действия противника с еле заметным опозданием. В этом коренится одна из не до конца осознанных опасностей профильной школы. Как тонко заметил Козьма Прутков: «Специалист подобен флюсу — полнота его одностороння». Возможно, подросткам для развития интеллекта важна не столько профилизация, сколько широкое поле для проб и ошибок, для поиска себя и своего места не только в профессии, но и в жизни.

Но факт остаётся фактом: форма предвузовской школьной подготовки была востребована и пользовалась большим спросом у родителей, желающих без хлопот устроить судьбу своего чада. Ещё бы! Ведь ученики этих образовательных учреждений (в основном это были гимназии и лицеи) освобождались от вступительных экзаменов и становились

студентами по результатам выпускных испытаний уже в июне. Такие совмещённые экзамены, как правило, проводились на базе школы, но преподавателями вузов. Они же вместе с педагогами проверяли работы и выставляли оценки. Так, без лишнего шума, был отстроен прочный мост, обеспечивающий бесперебойное движение между школой и вузом. Причём это был тот редкий случай, когда удовлетворены все заинтересованные стороны. Школы, в которых были такие совмещённые экзамены, пользовались большой популярностью. В них приходили не только лучшие ученики, но и лучшие «родители», способные поддержать школу солидной спонсорской помощью. Довольны были и вузы, получавшие хорошо подготовленных абитуриентов, ориентированных на определённые специальности.

К тому же, что греха таить, за право попасть на бюджетное место по престижным специальностям в известные вузы родители абитуриентов делали «добровольный взнос-дарение», который иногда исчислялся тысячами долларов. Естественно, в той ситуации самими довольными выглядели родители и школьники, избавленные от вступительной лихорадки и без лишних тревожений получившие желанный студенческий билет.

Витаминный воск, но сохранили суть.

Козьма Прутков

До поры до времени такое положение всех устраивало. Но Министерство образования России приняло решение о запрете совмещённых экзаменов. Это мотивировалось заботой о социальной справедливости, необходимостью обеспечить всем абитуриентам равные условия для поступления в вуз. Тем более что вводимый Единый государственный экзамен как раз и должен сделать выпускные испытания в школе вступительными в вуз.

Впрочем, у сторонников совмещённого экзамена есть резоны для защиты своих позиций.

Во-первых, совершенно очевидно, что если ЕГЭ проводится честно, то он должен показывать реально существующую разницу в подготовке старшеклассников в крупных городах и небольших посёлках, в школах «повышенного» типа и «обычных». Остаётся удивляться, что это не зафиксировано. Если же зафиксировано, то почему замалчивается?

Во-вторых, часть вузов делает специальный отбор детей, в том числе и из глубинки, в школы, при них работающие, тем самым повышая шансы действительно способных ребят не пасть жертвой обстоятельств.

Больше всего от запрета на совмещённые экзамены пострадают крупные города с сильными вузами, которые могли целенаправленно готовить для себя кадры уже в школах. В неприятное положение попадают и руководители образования в этих крупных образовательных центрах. Они либо должны отдавать директоров школ, организовавших совмещённый экзамен, на растерзание недовольным родителям абитуриентов, либо в меру сил саботировать пока ещё действующую инициативу «модернизаторов» образования — Единый государственный экзамен.

БОЛЬНАЯ ШКОЛА

Когда в День знаний возбуждённые родители и счастливые первоклассники собираются во дворе нашей школы, кроме радости, меня невольно охватывает чувство тревоги. Я вспоминаю, как быстро гаснут глаза детей и как уже через две-три недели они превращаются в маленьких усталых старичков, которые покорно тащат на своих спинах нелёгкие ранцы. А уж какие перемены происходят с их здоровьем к выходу из школы, даже подумать страшно!

Первый тревожный звонок раздался ещё в конце 80-х годов и касался он детских садов. Тогда медики выяснили, что около 10% детей в результате тяжёлой адаптации к новым для них условиям жизни становятся инвалидами. Что случается с остальными малы-

шами на выходе из дошкольного учреждения, в то время никто не проверял. Зато сегодня врачи и журналисты устроили своеобразное соревнование, обнаружив пугающие цифры, свидетельствующие о том, что только от 3 до 5% детей остаются практически здоровыми к окончанию средней школы. Впрочем, есть данные, что таких счастливиц вообще всего 1%. Дальше ехать некуда. Это — катастрофа.

Наивно обвинять в ней только школу. Мы до такой степени привыкли считать, что государство отвечает за наше здоровье, что впору выдвигать ему обвинение: нездоровье нации — это государственная политика. Мы не хотим понимать, что экологические катастрофы, которые сами организуем, жизнь за гранью бедности большинства российских семей — отражаются, прежде всего, на наших детях. Именно у них нет возможности для нормального роста и развития, поэтому их организм отвечает болезнями на все глупости и извращения в нашей жизни.

Все говорят, что здоровье дороже всего, но никто этого не соблюдает.

Козьма Прутков

И всё-таки именно школе нужно предъявить самый серьёзный счёт за то, что она до сих пор глуха ко всем предупреждениям и рекомендациям медиков. Иногда кажется, что учителя и врачи живут в разных мирах, что их объединяет только низкая зарплата. Они, вопреки здравому смыслу, не могут договориться о согласованных действиях на общей территории под названием «Детство».

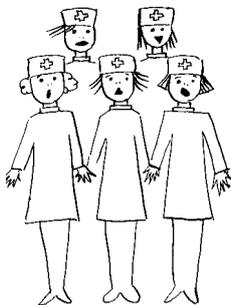
Это похоже на соревнование, в котором нет победителя. Хор врачей поёт: «В классе даже двадцать человек — это очень много». «А тридцать восемь не хотите?» — отвечает хор педагогов. «Урок в младшей школе — не больше 35 минут», — робко затягивают свою песню медики. «Посмотрите, как дети бесятся на переменах, значит, не устают», — отвечают учителя.

Школа и в вопросе здоровья детей исходит из интересов учителя, а не ребёнка. Например, кабинетная система. Она очень удобна преподавателю, но опасна для здоровья школьников. Ведь понятно же, что на одном стуле и за одним столом не могут одинаково удобно сидеть двухметровый десятиклассник и шестиклашка. А чего стоят бесконечные переходы из одного кабинета в другой! Они извращают смысл перемен, делая фикцией даже этот короткий отдых.

После того как подсчитали, что рабочая неделя старшеклассника составляет 70 часов, говорить о «перегрузках» уже неприлично. В среднем — 10–12 часов работы в день! Только уроки в школе, вместе с факультативами, занимают 50 часов в неделю. Превращаясь в автомат для заучивания, эмоционально обедняя свою жизнь, старшеклассник, растрачивая здоровье, дотягивает до окончания школы и сдаёт экзамены. У детей отнимаются не только личная жизнь, но и силы для полноценного развития.

Усугубляет эту проблему и пятидневка, за которую ратуют учителя и родители. Ведь переход к ней произошёл без уменьшения нагрузки на учащихся и даже с её увеличением. По данным медиков и психологов, степень невротизации школьников при пятидневной неделе достигла 50% от общего числа, а при шестидневной была «только» 23%. Через несколько лет, когда новое поколение полноправно войдёт в нашу жизнь, мы до конца поймём, что стоит за этими тревожными цифрами.

Сегодня же, не решив старые проблемы, мы плодим новые. Например, общим стало утверждение, что компьютер является необходимым элементом современного образования. Этот факт подтверждают и объявления о приёме на работу, в каждом из которых содержится традиционный набор требований, среди которых обязательны знание иностранного языка и владение компьютером. Только вот в большинстве школ это «чудо современной техники» давно безнадежно устарело и работает только с программами, которые не

будет использовать ни одна уважающая себя фирма. Школьная информатика учит, как писать программы, а не как пользоваться существующими современными и наиболее распространёнными. Большинство используемых в школах и детских садах компьютеров не только устарели, но и опасны для здоровья. Работа с ними ведёт к усталости глаз, порождает сердечно-сосудистые и другие заболевания.

Особую тревогу вызывает усложнение учебных программ. Эту лавину уже не остановить даже тем, что сегодня в школу приходит до 45% первоклассников с нарушениями психического развития, соматическими осложнениями, социально и педагогически запущенных. Их впору лечить, а не учить, но их «грузят и грузят», а, как известно, где тонко, там и рвётся. Даже здоровым детям сложно выдерживать многочасовое сидение за партами, за домашними заданиями. Ребёнок часто не в состоянии выполнить их сам, потому что ему предлагается совершенно ненужная и неинтересная информация, которую необходимо заучить. Можно только догадываться, какие стрессы получают при этом дети, особенно если родители не в состоянии их поддержать и сделать за них часть домашнего задания.

В таких условиях совершенно напрасны усилия школ, создающих на своей базе комплексы здоровья со специальными кабинетами — своеобразными поликлиниками или мини-санаториями. Получается, что во второй половине дня ребятишек лечат, а в первой — калечат.

По-прежнему проблемным остаётся вопрос о двигательной активности детей. Вот и в моей школе уроки физкультуры уже давно отошли на второй план. Для учеников всегда находится более важное занятие, например, уборка территории или подготовка актового зала к очередному мероприятию. И мне становится не по себе оттого, что рослые мальчишки из моего класса «ломаются» на третьем километре турпохода, а, дотянув до привала, не находят сил развести костёр. Не многие из них занимаются в спортивных секциях, но и там, к сожалению, важно не участие, а результат.

Здоровье без силки — то же, что твердость без упругости.

Козьма Прутков

Существующие проблемы не под силу решить и частным школам. Зачастую занятия в них проходят в неподготовленных помещениях, да и перегрузка учеников учебным материалом сильно «зашкаливает». Не случайно, что у детей в этих школах возникает целый «букет» заболеваний. Похоже, что проблемой их здоровья заниматься некому. Медики, конечно, проводят диспансеризацию, констатирующую отклонения в здоровье детей, но не проводят последовательное лечение. Да и как лечить детей, когда школа, по сути, становится твоим непримиримым противником? Можно лишь немножко подлатать их пошатнувшееся здоровье. Ведь не выпишешь ребёнку рецепт с запретом делать домашнее задание?

Где же выход из тупика? Думаю, он в том, чтобы рассеять устойчивое заблуждение, что наше здоровье — забота государства, а не нас самих. Именно школа должна сформировать у детей мотивацию на хорошее здоровье, внушить им, что оно — элемент национальной культуры.

Только не нужно воспринимать это как предложение организовать ещё один учебный курс часиков этак на тридцать-сорок. Например: «Основы здоровья и культуры отдыха». Это, разумеется, не будет дорогой к оздоровлению. Только вот сможет ли отыскать настоящий путь к решению проблемы больная школа?

Пётр Бывальский,
педагог